

(*несознательный*).

При калькировании сложных слов русского языка компоненты *радио-, теле-, фото-, кино-, гидро-* не заменяются, вторая часть сложного слова заменяется крымскотатарскими эквивалентами: *радиоэшиттирюв* (радиовещание), *телеяйым* (телепередача), *фотосерги* (фотовыставка), *радиодалга* (радиоволна), *гидроджылавукъ* (гидромедуза).

Из иноязычных суффиксов в крымскотатарском языке наиболее употребительны суффиксы арабского и иранского происхождения: а) суффиксы иранского происхождения: *-ане, -кяр, -шынас, -первер*: *достане* (дружеский, по-дружески), *шаиране* (поэтически), *гъалибане* (победоносный, победоносно), *ашыкъане* (лирический, лирически); *зиянкяр* (вредитель, вредный), *иджаткяр* (изобретатель, изобретательный), *намускяр* (честный, добропорядочный), *тильшынас* (языковед), *улькешынас* (краевед), *музкашынас* (музыковед), *тарихшынас* (историк), *усульшынас* (методист); б) суффиксы арабского происхождения *-ий, -вий*: *аилевий* (семейный), *аскерий* (воинский), *ахлякый* (моральный), *даиревий* (круговой), *инсаный* (человеческий), *ильмий* (научный), *сынфий* (классовый), *техникый* (технический), *химиявий* (химический). Выделенные нами суффиксы синонимичны крымскотатарским суффиксам: *достане* – *достча* (по-дружески), *акъылане* – *акъыллыджа* (умно), *намускяр* – *намуслы* (честный), *талапкяр* – *талаплы* (требовательный), *джурьаткяр* – *джурьатлы* (смелый, решительный), *тильшынас* – *тильджи* (языковед), *тарихшынас* – *тарихчы* (историк), *усульшынас* – *усулджы* (методист).

Среди иноязычных элементов в крымскотатарском языке встречаются и суффиксоиды. Это элементы *-наме, -ара, -хане*: *беяннаме* (сообщение), *риджанаме* (ходатайство), *даветнаме* (приглашение), *селефнаме* (устав), *такъвимнаме* (календарь), *шартнаме* (договор), *къануннаме* (кодекс); *халкъара* (международный), *миллетлерара* (межнациональный); *аишхане* (столовая), *ишхане* (мастерская), *устахане* (мастерская), *берберхане* (парикмахерская), *къабулхане* (приемная).

Посредством заимствований из русского языка в крымскотатарском языке стали широко использоваться аффиксы словообразования прилагательных *-ив, -аль, -ар, -ик*: *актив, декоратив, импульсив, горизонталь, вертикаль, индивидуаль, элементар, драматик, фонетик, орфографик* и др.; аффиксы образования глаголов *-ир, -изир, -фицир*. Они соответствуют крымскотатарским аффиксам *-ла/-ле, -лаш/-леш, -лан/-лен, -лаштыр/-лештир*: *газифицирлемек* – *газлаштырмакъ, асфальтирлемек* – *асфальтламакъ, механизирлемек* – *механиклештирмек*. В первых словах дублетных пар дважды выражается значение процесса, и здесь следует согласиться с точкой зрения Тихонова А.Н., который считает нецелесообразным дважды выражать одно и то же значение [2, с. 21]. На наш взгляд, предпочтительнее тот вариант новообразований, когда аффиксы *-ла/-ле, -лаш/-леш, -лан/-лен, -лаштыр/-лештир* присоединяются непосредственно к производящей основе.

Таким образом, иноязычные элементы прочно вошли в словообразовательную систему крымскотатарского языка. Заимствованные слова активно участвуют в образовании новых слов, сочетаясь как с иноязычными, так с собственно крымскотатарскими словообразовательными компонентами. За счет заимствований пополнился и состав словообразовательных аффиксов крымскотатарского языка, расширили свои словообразовательные возможности и функции крымскотатарские аффиксы.

Источники и литература

1. Меметов А.М. Лексикология крымскотатарского языка. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2000. – 228с.
2. Тихонов А.Н. Влияние русского языка на систему словообразования в узбекском языке // Советская тюркология. – 1982. – № 5. – С.13-27.
3. Шанский Н.М., Тихонов А.Н. Современный русский язык. Ч. 2. Словообразование. Морфология. – М.: Просвещение, 1981. – 270с.

Сеферова Ф.А.

ПОЭТИЧЕСКИЙ МИР АБЛЯЗИЗА ВЕЛИЕВА

Аблязиз Велиев. Кому в Крыму не известно это имя? Он вписал своеобразную страницу в историю современной крымскотатарской литературы, крымскотатарского искусства. Талант крупный, многогранный, он проявил себя как поэт-песенник, прозаик, переводчик, журналист, организатор литературой жизни. Его заслуги отмечены многочисленными наградами, почётными званиями. Известность А.Велиева давно перешагнула границы Крыма. Стихи и переводы поэта хорошо известны читателям Турции, Кипра, Латвии, Узбекистана, Румынии, Азербайджана. Произведения А.Велиева вошли в нашу жизнь песнями «Кузь кейфи» («Осеннее настроение»), «Къырымым» («Мой Крым»), «Безз геми» («Белый пароход») и др.; герои рассказов и повестей прочно обосновались в современной жизни.

25 октября 2009г. исполняется 70 лет Аблязизу Велиеву. Край, где он родился (Судак, Солнечная долина) богат преданиями и легендами. Этот сказочный мир приоткрыла Аблязизу мама, о которой он сохранил благодарную память: «Яткъанда тыошомде, юргенде онъумда / Козюмининь огюнде турасынь, анайым, / Къыдырам, къыдырам, амма сен ёкъсынъ / Айт энди мен сени къайдан арайым?» [1, с.5] («Во сне и наяву ты перед глазами, мама / Ищу, но нет тебя со мною рядом / Скажи: где тебя найти?») (Подстрочный перевод).

Детство и отрочество поэта пришлись на годы войны и депортации. После окончания средней школы началась трудовая жизнь юноши в Ташкенте. Потом, до 1968 года, пять лет учёбы на факультете журналистики Ташкентского государственного университета.

Начало его творческой деятельности – журналистская работа (с 1962 года). А. Велиев автор документальных повестей «Байракъкъа тамган козьяшлар» («Слёзы на знамени») (1980), «Бахт йылдызы» («Звезда счастья») (1984), «Ираде» («Воля») (1987), «Олюмнен юзь-юзьге» («Лицом к лицу со смертью») (1995) и др. Читатели в последние годы познакомились с произведениями А.Велиева «Фашизм махбюслери» («Узники фашизма») (2004) «Къараманлар ольмейлер» («Герои не умирают») (2005), «Дженк офицерлери» («Офицеры войны») (2007), «Къырымтатар муаджир тюркюлер» («Эмиграционные песни крымских татар») (2007) и др. Он автор поэтических сборников «Мелек копюри» («Мост ангелов») (1997), «Кетмень, къушлар, Ватандан» («Не покидайте, птицы, Родину») (2007), «Ватан тюркюлер» («Песни о Родине») (2009), «Йырла сазым» («Играй, мой саз») (2009). Его произведения занимают достойное место в антологии многоязычной поэзии Украины „На нашій, на своїй землі“, антологии крымскотатарской поэзии „Окружина сонця“ и др.

Для творчества А. Велиева присуще внимание к человеку, к философскому осмыслению мира. Своё поэтическое кредо поэт выразил наиболее точно в следующих строках: «Къаргъышым да, / Алгъышым да / Йырларымда» («И проклятья, и хвала – все в моих песнях») (Подстрочный перевод) [1, с.105] Эта мысль в разных вариантах часто встречается на страницах книг. Тематика приведенных разнообразна: это и стихи о природе Крыма, думы о настоящем и будущем, философские размышления.

Как известно, «истинный художник ... производит свои опыты не иначе как на основе близкого и внимательного изучения жизни, которое, конечно, немислимо без широких и разносторонних наблюдений [2, с.99 – 100]. Очевидно, к разряду таких наблюдений, сыгравших свою роль в творчестве А. Велиева, относилась древняя культура Востока, которую поэт ощущал, с одной стороны, как философскую, с другой – как более, близкую и яркую.

«...Разве можно быть в мире художником и не знать, о чём шепчет ювшан (полынь) в степи, о чём тоскует кавал (флейта) в горах Чатырдага? Разве может существовать мир без красоты, без цветения цветов?» – с присущей ему долей наивности и вместе с тем с глубокой мудростью говорит поэт. Он знает, о чём шепчет ювшан, он слышит «шёпот тайн» минаретов Солхата, влеком шумом морского прибоя, порывистым полётом чаек ...

Главная тема в обширном мире образов А. Велиева – любовь как начало всех начал. Именно любовь наделяет его ощущением полёта времени. Свои мысли о любви поэт формулирует в духе восточной лирики: «Аят – чечек, аят бу – бир ань, / Сев ве севиля – омюр деп къуван. / Керван киби кечип кетер о / Сонь олурсынъ бинъ кере пешман» [3, с.189] («Жизнь – благоуханный цветок, жизнь – мгновение / Люби и будь любимым – радуйся жизни, / Пройдёт словно караван жизнь твоя, / Останутся лишь горькие сожаления») (Подстрочный перевод).

Автор воспевае поэзию родной земли и неба, но он знает и скорбь земли, небо порой затмевающую, «когда под небом звёздным, / в сумраке морозном, засыпая, / мёрзнут, нежные цветы ...» (перевод. О. Голубевой) («Къар тюркюнде къалды севгим гуллер...») [4, с.57].

Сущность поэтического мира – образ – интересно было бы проанализировать как воплощение творческой оригинальности автора. Литературе известны многочисленные вариации образа луны у разных поэтов. Но вот у А.Велиева «месяц, словно пол-лепёшки, / покачивается на звёздном небе, / Его задумчивый лик ласкают облака» (Подстрочный перевод) («Ай тура къаршымда яры питедай / Булутлар ювалар онынъ юзюни») [1, с.89] – и мы узнаём неповторимость не столько почерка, сколько психологического мирозерцания автора.

Классический образ и символ поэзии – ветер у А. Велиева особенный: «Янгъызылыкъ сарып алды санки бир ель / Юрек таш олды» («Одиночество словно ветер окутало меня / Легло камнем на сердце»). Влюблённый и нежный поэт таит в душе силы вихря и бури: «Кель десень сен, мен ашыкъыр, / Фуртуналар олурым» (Коль позовёшь меня, я поспешу, / подобно вихрю я примчусь) [5, с.650] (Подстрочный перевод). Прекрасны горы Карадаг и Чатырдаг, но и море то «то лазурное и шаловливое», «то грозное и холодное» близко сердцу поэта. Не потому ли так тянет его к Чёрному морю, не потому ли, как мифический герой, прикасаясь к матери-Земле, обретал могучую силу, так и он, прикасаясь душою к вскипающему брызгами морю, с шипением, ускользящим седым волнам, обретает могучую силу? «Мен санъа ашыкъам денъиз! / Чапам, чапам, байылам эссиз. / Эм сезем озюмни гуя шу Къара денъизде бир елькен» [1, с.93] («Теряя сознание от суеты земной, / к тебе бегу, лечу, море! / Я словно парус на гребне волн ...») (Подстрочный перевод).

В картинах природы А.Велиева всегда звучит философия природы и шире – жизнь вообще. Его пейзажи всегда полны не только светом солнца, но и светом души – смысла. Вот одно из лучших стихотворений такого рода: «Тёкюле япракълар, ер ала багърына, / Узюлип тюшелер теректен акърындан. / Меним юрегимде кеч кузьнинъ кейфи бар, / Мерхамет беклейим энди тек Танърыдан» [3, с.70] («Листопад, листопад – во дворах и садах, / Осыпаются листья тихо в наших сердцах, / Вкус осенних плодов, запах поздних цветов / – Вот и осень пришла, и тиха, и светла») [6, с.71] (Перевод О.Голубевой).

О чём это стихотворение? Об осеннем листопаде? О запахе поздних цветов? Об огне рябины, озарившем задумчивый взгляд автора? «Ключ» к расшифровке этого образного «кода» – в строке, где речь идёт о человеческой осени, когда «осыпаются листья тихо в наших сердцах».

И тогда становится понятно, почему автор «с упоением бродит там, где листья кружат», почему «рябины горят» и «их огонь озаряет задумчивый взгляд»... Обо всём этом писалось много раз и заслуга А.Велиева в том, что он умеет написать сегодня об этом по-своему, объединив в образной системе стиха раздумья о «весне» и «осени» человеческой жизни, в которых с годами радостный и светлый мотив «весны» (ст.«Бааръ» («Весна»), ст.«Яшасын гуллер» («Пусть живут цветы»), ст.«Къырымда бааръ» («Весна в Крыму») и др.) закономерно уступает теме осени и увядания (ст.«Отузым» («Мой Отуз»), ст. «Догъган эвим» («Родное гнездо») и др.). И даже «Белый стих» пронизан трагическим ощущением конечности всего живого: «Илле бир кунъ ёлгъа чыкъып, / узакъ юрткъа кетерим / Ангиси ки кимсе бильмей, / Мен кимим ве

не ерлим» [1, с.87]. («Настанет день тот непременно, / когда отправлюсь в мир иной, / где меня никто не спросит: кто я и откуда я родом») (Подстрочный перевод).

В системе философских понятий А.Велиева время занимает принципиальное значение, концепции связанные с ним находят выражение в его стихотворениях «Эбедий» («Вечный»), «Дюнья» («Мир»), «Омюр эбедий дейлер» («Говорят, что жизнь вечная») и др. Зачастую циклическое время в образном воплощении ассоциируется с символикой колеса – «древним мифологическим символом» [7, с. 179], [8, с. 389]. Следует отметить, что образ колеса-фортуны достаточно популярен в крымскотатарской литературе и ассоциируется в произведениях с предметом изменчивой доли, недолговечности, ненадёжности человеческого счастья: «Эй, фелек, сен чарх киби / Айланасынь токътамай. / Сенинь бинь бир кераметинь / юрегиме окътала» [1, с.88]. («Эй, судьба, ты словно колесо / вертисься, не останавливаясь, / тысяча твоих черепичных осколков, / вонзаются в моё сердце») (Подстрочный перевод).

Связь образов времени и красоты – важный аспект историзма поэта, дающего нам почувствовать, что только истинно прекрасное человеческое чувство – Любовь вечно на земле: «Омюр – бир анъдир, кечер, дуймазсынъ, / яшлыкъ ве гузеллик дегиль эбедий./ Севилип яшасанъ янып куймесзинъ./ Севги эбедийдир, эбедий.» [9, с. 100]. («Наша жизнь, словно миг, пролетит стрелой, / Молодость, красота, скроются во мгле, / Лишь любовь дарит нам вечное тепло, / Лишь любовь будет жить вечно на Земле... [9, с. 101] (Перевод О.Голубевой).

Широко представлены в творчестве А. Велиева малые поэтические «жемчужины» – восьмистишия, четверостишия и двустишия. Большая часть их – дидактичны, что, впрочем, тоже составляет важную грань ориентальной поэтической традиции. В них присутствует стремление к познанию сущности жизни и смерти, добра и зла, места человека в мире: «Керван киби кече омюр дюньяда / Эпимиз ялдаймыз ишбу дерьяда / Миллионлар келелер, кечелер изсиз / Эдиплер къалалар тек бу дергахта»

[1, с.103]. («Жизнь человеческая проходит словно караван / Миллионы приходят в мир и уходят бесследно / Вечны только поэты») (Подстрочный перевод).

Следует отметить особенности переводческой манеры А.Велиева. Переводы произведений мировой классики О. Хайяма, А. Пушкина, А. Мицкевича, А. Крымского, Т. Шевченко, Л. Украинки, М. Державина и других авторов, привлекают скрупулёзной тщательностью, с какой А.Велиев относится к историческим деталям оригинала, вниманием к национально-своеобразному миру. Перевод стихотворения А.С. Пушкина «Талисман» говорит если не о безусловной удаче, то о вполне возможном варианте перевода или так называемой переводческой «интерпретации», составляющей, по верному утверждению В. Комиссарова, «неотъемлемую часть переводческого процесса» [10, с. 19]. «Там, где море вечно плещет / На пустынные скалы, / Где луна теплее блещет / В сладкий час вечерней мглы ...» [11, с. 409 – 410]. «Денъиз далгалары назланып даим / Къаяларгъа урулгъан ерде, / Акъшам устю ай нурун джайып /Адамларгъа джыллы бергенде ...» [1, с. 163]. При переводе рубаи О. Хайяма А. Велиев умело использует приём реди́ф – повторяющийся лексический элемент в конце рифмуемых слов четверостишия. Цитируем хотя бы одно:

«Сказал я сам себе: вина я пить не буду, / Кровь виноградных лоз теперь я пить не буду. / «Ты впредь решил не пить?» – спросил меня рассудок, / А я: «Как мне не пить? Тогда я жить не буду» (Перевод В.Державина) [12, с. 132]. «Дедим: энди ич де шарап ичмейджем, / Шарап-юзюм къаны, мен къан ичмейджем. / Къарт акълым сорады: лафынь догърумы? / Дедим: шакъа этем, нечюн ичмейджем?» [4, с. 93].

Простота и целесообразность, радужная многокрасочность поэзии Аблязиза Велиева поражает читателя. Словно слышится песня, которая не устареет никогда, ни в какие времена, потому что человек вложил в неё всю душу, всю силу таланта.

Источники и литература

1. Велиев А. Ватан тюркюси Шиирлер, йырлар, терджимелер. – Симферополь «Таврия» 2009. 208с.
2. Овсянко-Куликовский Д.Н. Литературно-критические работы: В 2-х т. – М.: Художественная литература, 1989. – т.1: Статьи по теории литературы. – 542с.
3. Аблязиз Велиев Къырым дефтерлеринден // Йылдыз, 1993 № 5 – 6. – С.182 – 189.
4. Аблязиз Велиев Мелек копюри. Шиирлер, йырлар. – Симферополь «Таврия», 1997. – 160с.
5. Кунештен бир парча Окрушина сонця Антология кримськотатарської поезії XIII –XX ст. / Упоряд.: М.Мірошниченко, Ю.Кандим., – К.: Голов. Спеціаліз, ред. літ. мовами нац. меншин України, 2003. – 792с.
6. В саду любви Из крымскотатарской поэзии. Переводы Ольги Голубевой. – Симферополь: «Доля», 2008. – 80с.
7. Элиаде М. Миф вечно возвращении. Архетипы и повторяемость. – СПб.: Алетейя, 1998. – 250с.
8. Хармс Д. Полное собр. соч. в 4-х т. – Т.1. – СПб.: Академический проект, 1997. – 440с.
9. Голубева О.В. Я – женщина ... Стихи последних лет. – Симферополь ОАО «СГТ», 2007. – 128с.
10. Комиссаров В.А. Перевод и интерпретация. В сб. «Тетради переводчика». Вып. №19, «Высшая школа». М., 1982. С.18 – 20.
11. А.С. Пушкин. Сочинения в трёх томах. Т.1.Москва «Художественная литература» 1985. 523с.
12. Мурадов Ю. Девяти веков кумир // Звезда Востока. – 1990. – № 5. – С.132 – 133.